

Александр Гайворонский

ПОЛЕ МАОМЫ

Серия «Земные пришельцы» — 2

Реальность или вымысел описываемые здесь события? Вариантов ответа может быть несколько. Использую два.

Вариант первый.

Вселенная бесконечна, следовательно бесконечна и вероятность невероятного.

Говорят, не отыщется двух одинаковых песчинок во всех пустынях Земли. Но на Земле их количество конечно. А если песчинка — бесконечное множество, ведь они могут быть не только на нашей планете? Тогда две одинаковые песчинки — реальность. И три, и четыре... Математика — прагматичная наука. Она ответит еще более безапелляционно: в бесконечном ряду объектов — бесконечно и количество абсолютно идентичных.

Иными словами: самое невероятное на наш обывательский взгляд — очень даже вероятно и реально в бесконечной Вселенной.

Вариант второй.

Автор, столкнувшийся раз с неукладывающимися в голове вещами, скорее предпочтёт выдать их за художественный вымысел,

лишь бы не подвергнуться риску быть высмеянным скептиками или стать лабораторным объектом параноидальных исследований и дотошных охотников за сенсациями.

Глава 1

В «Перемычке» между мирами в наши дни

Сумеречное свечение. Просторное помещение с тающими в сумраке дальними участками полуовальной, а точнее грушевидной комнаты.

Два существа, очень похожие на людей, но всё же с некоторыми едва уловимыми отличиями от них занимают полу-лежащее положение в функциональных креслах, которые будто обнимают, обволакивают тела. Кистей рук, лежащих на некоем подобии подлокотников, не видно, они будто погружены в выдающиеся из «кресел» выросты в виде не то высоких перчаток, не то варежек. Головы окутаны золотистой полупрозрачной дымкой в виде шлема. Со стороны могло бы поначалу показаться, что «люди» спят. Однако подрагивание кистей рук в «перчатках» и слабое мерцание дымки в районе лица и особенно глаз говорят о том, что идет сосредоточенная работа.

Периодически в непосредственной близости от «тел» то и дело материализуются предметы. Различные по форме, конструкции, цвету. От маленьких с горошину, до средних с футбольный мяч и, наконец, до больших, размером со скутер или мотоцикл. Именно сейчас возник «скутер». Один из «людей» встал, дымка вокруг его головы словно развеялась от движения встающего с кресла тела и исчезла. «Человек» пересел за «скутер» и положил руки на нечто подобное рулю. Колес у дьявольской машины не было. Вместо них подрагивало студенистое облако-подушка, не касающееся пола. «Человек» со всей этой конструкцией еле заметно покачивался в воздухе, некоторое время, секунд тридцать парил над полом и вдруг внезапно исчез. Беззвучно и бесследно.

Второй оставался на своем «рабочем месте». Предметы продолжали хаотично возникать и исчезать в самых разных участках пространства, окружающего «человека». На несколько секунд материализовалась человеческая голова, глаза были открыты, губы беззвучно шевелились как во время речи, выражение лица было спокойным и даже беспечным. За мгновение перед исчезновением рядом с головой мелькнула рука, будто человек собирался помахать невидимому собеседнику или отдать честь... На смену голове, «отдающей честь», в некотором отдалении в воздухе появилась

небольшая птичка, похожая на воробья, пролетела с метр и также исчезла.

Остальные предметы были неодушевленными: напоминали цилиндры, шары, пакеты, стержни, рулоны, книги, прозрачные бесформенные кульки, пакеты, комки смятой бумаги, разноцветные гирлянды, бусы, конфетти, опадающие с дерева листья...

Когда этот «полтергейст» закончился, «человек», коренастый, атлетически сложенный, без единого волоса на голове, встал с «кресла», золотистая дымка исчезла. Можно было теперь рассмотреть его одежду. Скорее это было некое облачение из складчатого в некоторых местах, телесного цвета материала, без швов. Оно не то чтобы облегало тело, а скорее мягко окутывало его с ног до шеи, оставляя свободными только голову и кисти рук. Там, где этот «покрыв» должен был обрываться, не было видно его границ, края словно заворачивались внутрь и срастались с кожей. Похоже на естественный кокон, как производное самого тела, его дополнительная оболочка. «Человек» двинулся вглубь комнаты. Движения его были неторопливыми, плавными и грациозными, казалось, он ступает не по твердой поверхности, а по мягкому ковру с длинным ворсом. Но ступни никуда не проваливались, пол на вид был именно полом, гладким, немного даже блестящим и

твердым. Никаких узоров или деталей конструкции пола не было. Просто сплошная гладкая поверхность темно-серого цвета, плавно переходящая в стены. Стены, видимо, были из того же материала, но фактура несколько иная: поверхность матовая, цвет — светло-серый.

Сумеречный свет исходил от стен. Они светились равномерно по всей высоте. Однако в районе расположения кресел, а они находились в сужающейся части грушевидного помещения, свет был более ярким.

«Человек» прошел в бо льшую, условно назовем ее «зальной», часть помещения, где стены еле фосфоресцировали. Здесь было совершенно пусто. Потолков не было видно, вероятно материал, из которого он был сотворен, полностью поглощал свет, проще говоря был черным. Хозяин помещения подошел к некоему подобию большого окна, но то было скорее углубление в стене арочной формы в рост человека. Прикоснулся ладонью к «окну» и оно вспыхнуло слепящим глаза солнечным светом. «Человек» несколько подался назад, и ничуть не щурясь, принялся вглядываться в «окно», за которым открывался бесконечный коридор-туннель... Без стен, полов и потолков. Туннель из ослепительного света. По нему двигалась приближающаяся тень. Это был человек.

* * *

— Ну что, Бельский, будем говорить на чистоту или как?

Опер ОБЭПа закурил, сурово и неприязненно глядя на задержанного. Тот сидел на стуле с невозмутимым выражением лица.

— Ты молчать-то прекращай. Сидишь как сфинкс. Думаешь, крыша твоя впряжётся? Кислицину плевать на тебя до выборов. Ему своих забот хватает. Гузно у них сейчас трясется. А до выборов мы тебя раскрутим по полной.

Обэповец затушил недокуренную сигарету, открыл лежащую на столе папку.

— Вот смотри, Бельский. Клинику ты открыл в 92 году. До этого у тебя кабинет был при 4 горбольнице... частнопрактикующий врач... Так, потом в 89-м кооператив «Возрождение», психоневрологическая помощь на дому... Наркоманы, алкоголики, да?

— Не только, — вставил Бельский и вновь замолчал.

— Ладно, дальше идем. «Клиника доктора Бельского». Сначала арендовал помещение на Кировской, потом переехал на Зарубина. Так. Потом приобрел особняк на Песочной... Хороший особнячок. Мне б такой. Бабла, видать, нарубил немеряно? На алкашах-то?

— Не только, — монотонно повторил Бельский.

Опер нервно дернулся, будто хотел встать из-за стола, но ограничился долгим, тяжелым, как ему самому казалось, взглядом, буравя им Бельского.

И тут Бельский раскрыл, наконец, полузакрытые до этого момента веки, и поднял свой взгляд на опера.

Оперативнику было лет 35. Обычная, ничем не примечательная внешность, короткая стрижка, монголоидный тип лица, чуть выступающие скулы с вечно играющими желваками, толстые губы, широкий нос. Телосложение крепкое, гиперстеническое, роста среднего. Такой крепенький мужичок, уверенный в себе, нагловатый по долгу службы, не блещущий особым умом и интеллектом, но дело свое знающий.

— Не только, — вновь повторил Бельский. Не сказать, что это был вызов — интонация ровная, взгляд спокойный, не надменный, а скорее безразличный ко всему происходящему, да и к оппоненту тоже, осанка гордая, но лишь отвечающая телосложению, а не нарочитая — так что придраться не к чему, на провокацию скандала ситуация не тянет.

— Короче, ты хочешь сказать, что среди твоих пациентов было много таких, которые прознав, что

мы тебя прижали, придут к тебе на выручку? — опер с вызывающим интересом смотрел на задержанного.

— Не только.

Тут опер не выдержал и встал. Потянулся вальяжно, расправил плечи, хрустнув суставами, и вышел из-за стола. Намереваясь с угрожающим видом приблизиться к Бельскому, больше придерживаясь отработанной за годы тактики, чем неприязнью к конкретному человеку, он немного оторопел, когда Бельский вдруг тоже медленно начал вставать, будто разговор окончен и пора бы размять кости и пойти прогуляться. При этом у него было соответствующее выражение лица — по-прежнему спокойное, несколько отрешенное... Но взгляд его неотрывно фиксировал глаза опера. Выпрямившись во весь свой немалый рост, невольно продемонстрировав косую сажень в плечах и толстую цепь на волосатой груди, Бельский неожиданно вновь произнес совершенно тем же, что и прежде, тоном:

— Не только...

Опер неожиданно для себя вернулся на место и сел. Ему стало немного не по себе, то ли жара так действовала (стоял жаркий июнь), то ли усталость за последние недели: работы прибавилось в связи с новым рейдом по фармакологическим и прочим делам (страховые медицинские фонды в основном

достали, мути много, участников — целая сеть по всей стране, ногу сломишь). А тут еще дочь в институт не поступила — денег отвалил, а понту никакого, значит, мало дал. Ну так ведь договаривались! Ни стыда у людей, ни совести, ни страху, блин. Нарываются...

Он вдруг осознал, что забыл на короткое время о Бельском, увлекшись собственными мыслями. А тот по-прежнему молча стоял и смотрел прямо в глаза.

— Ладно, — произнес опер. — Что делать-то с тобой?

— Отпустить и не мучиться.

— Иди, — легко согласился опер, — вызовем еще.

Ему вдруг «поплохело». На языке стало кисло, рот заполнился слюной, на лбу выступил холодный пот. Чуть не теряя сознание, он опустил голову на сложенные на столе руки и выдохнул тяжелое «ох».

— Бельский, блин, видишь, плохо мне, позови там...

— Не надо. — Бельский подошел к оперу, нащупал пульс, постоял секунд 10 держа запястье опера в своих пальцах. Потом налил в стакан из стоящей на холодильнике бутылки минеральной воды и поднес к губам поднявшего голову опера. Тот глотнул и несколько приободрился.

— И что там у меня с пульсом?

— Ерунда, жарко здесь, ночь не спал, волновался много последние дни... А еще... Дам совет, но только без обид, я свое дело знаю...

— Ну, говори.

— Прости обидчиков, не бодайся с ними, дороже выйдет. А деньги они тебе сами вернут, точнее отработают.

— Что? Дочь поступит все-таки? — сам от себя не ожидая такого продолжения диалога, спросил опер.

— Конечно.

— Ладно, идите, Бельский, — опять уронив голову на руки, произнес опер. Он чувствовал себя уже вполне нормально, но в странной ситуации, а она явно была странная для него. Он, бравый опер, предпочел как страус, подержать голову в песке, пока не уйдет этот субъект. «Почему именно он мне достался, а не Прохорову, к примеру, или Вершинину?» — подумал он, и одновременно внутренне выругался на самого себя за какое-то непонятное состояние, как будто внезапно лишился одежды в людном месте, где и срам прикрыть нечем.

Он вяло махнул рукой, подтверждая свои слова: мол, иди уже, не до тебя.

Но Бельского уже не было. Он мгновение назад вышел из кабинета, а через минуту и из самого здания ГУВД.

Александр Григорьевич, ничуть не меняясь в лице с тех пор как оказался в кабинете отдела по борьбе с экономическими преступлениями, распахнул дверцу своего автомобиля, белого «Лексуса», сел за руль, откинулся на спинку и закрыл глаза. Голову не покидала мысль: «каким образом кто-то узнал о его связях с корпорацией «Омега LTD», торгующей несертифицированным препаратом, которого днём с огнем не сыщешь в последние месяцы, и без которого некоторые процедуры теряют всякий смысл». Но вместе с тем он прекрасно понимал, что беспокоиться ему нечего, всё прикрыто, доказательств нет. Просто операм нужно выйти на непосредственных изготовителей, а даже не на поставщиков. А он, как подозреваемый покупатель, вообще с боку припека — никому не нужен.

Через некоторое время он уже мчался на другой конец города.

По мере приближения к месту назначения мысли о милицейском инциденте растаяли вовсе, но на их место пришли другие и более насущные. Предстояла серьезная встреча с субъектом, который являлся частью его теперешней миссии.

Да. У Бельского несколько лет назад жизнь раскололась надвое. После появления в его жизни умершего много лет назад Моремана. Причем место

раскола приходилось не на встречу с покойником. А на тот период его жизни, когда Гритшин только затевал свою «Операцию «S»», и когда Бельский внутренним своим чутьем догадался, что «великий слух» был изобретением человека, а не результатом вторжения инопланетного разума, и движимый какой-то неуправляемой силой, кинулся на поиски автора слуха, злого гения, которым оказался несчастный Лёня Гритшин.

Последний уже много лет, с того самого злополучного 1986 года находился в областной психиатрической клинике, пребывая в растительном состоянии, между жизнью кабачка и смертью бывшего когда-то человека. Родственники жены, благополучно скончавшейся вскоре после инцидента в их квартире, по каким-то причинам не позволяли докторам осуществить негласную эвтаназию, исправно платили деньги уйме народа — начиная от главврача и кончая сиделками. Впрочем, почему они не давали телу спокойно отойти в мир иной (душа-то уж наверняка давно была там), можно было легко догадаться. Роза, жена Гритшина, незадолго до смерти, случившейся от банального инсульта, будучи в состоянии тихого помешательства, неустанно твердила своим состоятельным и жадным до роскоши родственникам, что Лёнчик где-то заховал порядка пятидесяти миллионов рублей (теперь уже старыми,

советскими деньгами), но возможно, что он успел обернуть их и в зеленые американские доллары или во что-то ещё, поскольку был не просто настоящим и продуманным по всем направлениям гением, а достаточно хитрым и предусмотрительным пройдохой. Не зря же он готовил какой-то сюрприз на то самое злополучное утро, которое так и не состоялось в их жизни после ночных визитеров-инопланетян.

Так что право на жизнь, хоть и растительную, Лёня Гритшин купил себе тайной, разгадать которую пока не удалось никому из его «заботливых» родственников. А кроме родственников жены никого в общем-то и не было. Вся команда верных псов-волонтеров, судорожно набив карманы астрономическими суммами денег, естественно, растворилась в бескрайних просторах планеты Земля. Возможно, кто-то и сваял в парке своего имения или дворце золотой бюст господина Леонида Гритшина, может даже в знак искренней признательности, но скорее для имиджа и помпы. Однако на большее никто, как ни странно, не осмелился. Да и зачем? О том, что Лёня жив, но находится в плачевном и безнадежном состоянии, наверняка знали все участники «Операции «S»», проявлять милосердие или еще как-то участвовать в этом никакого смысла не было... Вот если б Лёнчик умер, тогда-то уж братство своего кумира

наверняка щегольнуло бы как следует: и кладбище, и памятник, да и сами похороны вошли бы в криминальную историю достойной страницей.

А вот на могиле Моремана уже стоял памятник. Да какой знатный! Да на каком кладбище, да рядом с какими людьми! Вот его братство «пауков» не поскупилось, хотя разговоры и даже неприятные распри в их обществе были. Почему сокровища Моремана ушли на какую-то весьма сомнительную благотворительность? Почему такой подарок и именно ментам, врагам нашим?! Никто ничего понять не мог. Сошлись на том, что это все липа, ментовские штучки, красивая легенда идеологов и будущих политтехнологов. Чтоб Вор (!) подарил общак ментам?!?! Бред.

Бельский свернул с окружной дороги на малозаметную полугрунтовую, полуасфальтированную (годах в 50-х) дорожку, и проехав метров 600, остановился у покосившейся будочки, окрашенной когда-то в ярко-желтый цвет, без надписей и табличек, непонятного назначения, каких много понатыкано вдоль российских дорог или просто в чистом поле. Такие будочки всегда вызывали таинственный трепет перед ушедшей сверхдержавой и наводили зачастую на самые патриотические мысли. Хотя кто знает, что там внутри? И сейчас они стоят повсеместно, имеют

крепкую дверь и пусть примитивный, амбарный, но все же крепкий замок.

Бельский проехал еще метров 50, припарковал машину, съехав с дороги, в теньке раскидистого и разлапистого дуба и не торопясь двинулся к будке.

Глава 2

За некоторое время до...

Как только человек вошел из светящегося туннеля в комнату, свет мгновенно померк, «окно» вновь стало прежним арочным углублением в стене.

— Ай из ¹ — скомандовал человек.

— Ты буш ет ²? — спросило существо, почти не открывая рта, и, не получив ответа, направилось к креслу. Усевшись в него и заняв «рабочую позу» — золотистая дымка-шлем, перчатки — существо замерло. Рядом в воздухе повисло нечто подобное

¹ Здесь: «Дай (включи) визуализатор» — устройство для перемещения во времени и пространстве, или транслирования (передачи) участка Вселенной, находящейся в отдаленной точке пространства и времени.

² Здесь: «Ты сам намерен использовать его, или я нужен тебе в качестве помощника?»

зеркалу в половину человеческого роста, эллипсоидной формы. Скорее, это был экран. Только сначала в нем отражались кресло с существом и человек, подходящий к «зеркалу». Как только он коснулся двумя руками за края этого экрана-зеркала, чтобы повернуть и установить его прямо перед собой, отражения исчезли, и экран теперь представлял собой окно в трехмерный мир, абсолютно реальный, сочный, красочный, благоухающий и издающий различные звуки. Будто в комнате отворили наглухо задраенный люк во внешний мир, куда можно было при желании шагнуть и уйти.

Однако человек никуда не шагнул, он просто наблюдал за событиями, разворачивающимися перед ним. «Экран», казалось, был невесомым. Человек, продолжая держать его в руках и не отрывая от него взгляда, двинулся не спеша по комнате. Места ему хватало для такой прогулки — по длинной оси комната была метров 30, по короткой — около 10. Никаких предметов и препятствий на пути. Существо продолжало в своем кресле хранить «рабочее» безмолвие.

Видимо что-то особенно привлекло наблюдателя, он остановился и стал медленно поворачиваться на месте вместе с экраном, водя им как перископом, настраивая изображение. Он действительно что-то настраивал, поскольку

пальцы совершали множественные движения по канту экрана, за которые он его и держал, будто играл на чудо-инструменте, нажимая невидимые кнопки-клавиши.

— Ай сит ³! — скомандовал человек. Тут же позади него на полу появился небольшой куб с закругленными гранями в виде топчана, на который сел человек. Куб преобразовался в кресло со спинкой, учтиво подхватившей откидывающуюся назад спину человека, и зафиксировавшей в удобном положении.

«Не понимаю, — пробормотал человек на понятном нам языке. — если визуализатор настроен правильно, то...» — он продолжал играть на клавишах, — «это где-то здесь. Ага, здесь. А вот и он. Действительно, не жилец. Пойду к нему, иначе вряд ли он что-то поймет. У него фрустрация ⁴.

³ Здесь: «Дай стул, хочу сесть».

⁴ Фрустрация — (от лат. frustratio — обман, расстройство, разрушение планов) — психическое состояние личности, раскрывающееся в своеобразном комплексе негативных переживаний (страх, гнев, чувство вины, стыда и т. д.) и поведенческих реакций, что базируется на субъективной оценке в качестве непреодолимых и неустранимых ряда препятствий при решении личностно значимых задач. При этом подобные преграды могут существовать лишь в поле субъективного восприятия конкретной личности, а могут быть

Только мандала ⁵ может помочь».

— Ливэг ⁶! — вслух произнес человек. Экран растаял в его руках. Он подошел к «существу» в кресле, коснулся его плеча — я сам, не провожай.

«Существо» не шелохнулось, только мерцание «шлема» на несколько мгновений прекратилось и возобновилось вновь, когда человек отнял руку от плеча и направился к нише в стене. Не останавливаясь, но закрыв ладонью глаза, он шагнул в нее, тут же взорвавшуюся ослепительным светом...

* * *

Замок на двери будки, обитой крашеной жестью, был хоть и подернутый ржой, но хорошо

и объективно представлены в реальности.

⁵ Мандала — (санскр. — круг, диск) — концентрическая диаграмма, состоящая из сложных узоров и различных иконографических изображений, основная магическая диаграмма, широко используемая в буддийском и индуистском тантризме как наглядное пособие для созерцательной практики. Имеет много толкований и назначений.

⁶ Здесь: «я намерен уйти, я ушел, я ухожу»

смазан, и, по всей видимости, совсем недавно. Очевидно, его смазывали регулярно. А вот ручка никаких признаков частых визитеров никак не демонстрировала: поржавевшая, не обласканная, а уж тем более не отполированная частыми прикасаниями рук. Видно, её не трогали с тех пор, как повесили на петли и покрасили вместе со всей будкой, больше всего напоминающей садовый туалет, только двухместный.

Полдень был ясный, трасса практически не виднелась за холмом, дорожка, по которой приехал Бельский совершенно пустовала.

Он наклонился к замку и тихо, но внятно произнес в замочную скважину: «Я прибыл».

Со стороны могло показаться, что человек заглянул в щель двери или рассмотрел замок непонятого сооружения. Рассмотрел, не нашел ничего интересного и пошел себе дальше.

Бельский отправился к машине. В нее он садиться, по всей видимости, и не собирался, а стал прохаживаться меж деревьев придорожных посадок. Поглядывал нет ли грибов (какие грибы в эту пору!), ягод (тем более), смотрел на кроны деревьев, задрал голову и щурясь на солнце.

Несмотря на свои 50 лет, он прекрасно выглядел, был спортивен и по-прежнему привлекателен для женщин. 10 лет назад некая Алла, сотрудница его психоневрологической

клиники, искренне и самозабвенно полюбила Александра, а он, в свою очередь, неожиданно для самого себя ответил ей взаимностью. Застарелая боль по утрате возлюбленной Наташи ушла. Время залечило душевные раны. Природа взяла свое. Теперь у Бельского была счастливая семья, подрастала дочь Светлана, девяти лет от роду.

Сейчас он вдыхал чистый воздух пригородной дубовой рощи и жалел, что рядом нет его семьи.

Долго наслаждаться природой ему не пришлось.

Внезапно исчезли все звуки и запахи. Листва замерла на ветвях деревьев. Время остановилось. Кратковременно наступившее оцепенение уже через пару секунд начало проходить, хоть и чувствовалась небольшая скованность в теле, и уже привычная для таких случаев замедленность собственных движений, словно ты под водой. Бельский знал, что «капсула контакта» окружила его и всё, что находится в радиусе 10 метров от эпицентра. Когда-то он задался вопросом, почему его тело сохраняет способность двигаться, мыслить и чувствовать время. А узнав ответ, был потрясен. «Да, теперь меня уже ничего не удивляет» — подумал он и, наконец, увидел Оператора.

Сначала тот, как всегда, появился в овальной, двухметровой высоты тонкой раме, как в окне или

зеркале. А затем шагнул из нее и, почти наступив на твердь, остался «парить» над ней. Ступни его ног не касались ни одной травинки. Так, находясь сантиметров в 30 над землей, он мог двигаться, ходить и даже садиться. А рама оставалась на том же самом месте, где и появилась, совершенно черная и непроницаемая.

Приветствия по традиции не было. И так было ясно, что и он, и Бельский рады друг друга снова видеть.

— Осталось подождать пять дней. Потом идем в Кабину. Там ждет сюрприз.

Речь его была отдаленно похожа на нашу и по артикуляции, и по тембру. Человек (Бельский никак иначе не хотел воспринимать Оператора, кроме как человеком, хотя знал, что это не совсем так) словно не мог до конца раскрыть рот, а язык будто высох и с трудом ворочался. Так бывает после сильной анестезии в кабинете стоматолога. А еще речь была слабо модулирована, слова звучали почти на одной ноте, редко отклоняясь в частотном диапазоне в ту или иную сторону. Только при сильных эмоциональных акцентах появлялось некое разнообразие звучания. Догадываясь, что человеку тяжело дается наша речь, Бельский из вежливости всегда избегал праздных вопросов и расспросов, стараясь удовлетворяться малым.

— Хорошо, подождать так подождать. А

сюрприз — это хорошо... Или сюрприз плохой?

— Хороший. Очень. Мы долго готовились. Должно получиться. Но тебе надо подготовиться тоже. Не питайся эти дни. Воду пей. Есть нельзя. Голодовка и очищение. Минимум три дня продержись.

Оператор замолчал. Рама, оставшаяся, как прибитая, висеть позади него, стала отражать свет. Теперь известно, что должно произойти. Он показал жестом, что пора приблизится друг к другу и коснуться руками. Бельский сделал шаг к Оператору, тот навстречу. Касание рук, короткий словно разряд в голове, небольшая эйфория, двухсекундный прилив-отлив теплого потока в области макушки и темечка, содержащий мегагига- и терабайты информации, которые только спустя часы будут переварены мозгом и осмыслены. Глаза непроизвольно закрываются в такой момент...

...Появились звуки, запахи, движение воздуха. Запели птички, застрекотали кузнечики, зашелестела листва и хрустнула под ногами трава.

Бельский ехал домой.

Всего две недели назад случилось событие, воспринять которое нормальный человек адекватно бы не смог, и вряд ли бы не тронулся рассудком, если не был бы подготовлен заранее. За несколько

дней до самого «события», Бельскому стали сниться необычные сны. Они очень походили на явь, и даже оставалось осознание самого сна, что все происходит именно во сне и ты можешь по желанию легко проснуться или балансировать на грани сна и бодрствования, если это было необходимо.

Снилось разное. Будто он в далеком будущем посещает какой-то кабинет, зная, что выполняет какую-то плановую медицинскую процедуру, что так принято в том обществе. Живо общается со своим «доктором» на отвлеченные темы, а тот выполняет какие-то свои доведенные до автоматизма рутинные действия, ничуть не отвлекаясь от разговоров со своим «пациентом». Бельский открывал рот, мелькали инструменты, к коже прикасались датчики, трубки, проводки. В каком-то коконе пришлось прокатиться по полой трубе ногами вперед. А «доктор» рассказывал о своих детях, расспрашивал о семейных делах Бельского. Приятный легкий треп двух старых знакомых между делом. Причем распрощавшись с приятелем и уже уйдя из «кабинета», Бельский точно знал, что за манипуляции он пережил. Был заменен один микрочип в первом левом верхнем премоляре (4-й зуб, сразу за клыком), теперь встроенный в организм многофункциональный коммуникатор имеет дополнительные возможности.

Нанесен на кожу всего тела регенерирующий и тестирующий слой, введены модифицированные стволовые клетки. Старость отодвинута, зарождающиеся болезни устранены, кибернетические начинки прошли плановое ТО. Правда язык, на котором было общение, совсем не известный, но понятный во сне и тут же забытый после пробуждения. Специфическая терминология, неведомые понятия. Это рассказывая потом жене и одному своему знакомому, он вынужден был назвать нечто, имплантированное в зуб, микрочипом, а трубу с коконом — томографом... Там, во сне, было все и понятным, и одновременно совершенно не поддающимся разумению здесь, наяву, в нашем времени. А потом пришли сны и вовсе потрясающие разум.

Вот один из них, самый характерный.

Какое-то замкнутое пространство, хотя границ его не видно, но твердое ощущение, что оно соразмерно с комнатой, пусть и большой. Просто стены, как у Рамы Оператора, настолько черные, что их не видно. Свет сдержанный, тусклый, проистекающий из какого-то источника прямо над головой, из воздуха, чтобы только видеть очертания собеседника. Никакой опоры под собой не чувствовалось, но положение — сидячее, это, как и вообще все, было странным и необычным для восприятия. Строго напротив, на расстоянии

вытянутой руки — существо в той же сидячей позе, похожее на человека, но очень маленьких габаритов — ростом метра полтора, а может и того меньше. Обычные как у нас глаза, но маленький незаметный носик, крохотные ушки и несколько широковатый и высокий лоб. Блестящий череп без единого волоса. Кожа гладкая. Одежда незаметная, больше похожая на легкую коричневатую пижамку, но без единой пуговицы и швов. Детали его гардероба не особо запомнились, поскольку то, что он рассказывал, затмило всё остальное...

Глава 3

Накануне встречи

Когда на «скутере» второй Оператор исчез из грушевидного помещения, описать человеческим языком его путь практически невозможно. Единственное знакомое нам понятие, применимое в данном случае, — он двигался или ехал. А точнее, что-то ехало, двигалось и проносилось вокруг него.

Можно ли описать, как выглядел бы мир, если бы вдруг человек обладал способностью в несколько мгновений вырасти до размеров Солнца или Галактики, сделать какие-то свои дела, а потом уменьшится за одну-две секунды до размера обитателя ядра атома или электрона? А еще лучше представить такое. Ты, постоянно меняясь в своих